

ОТ АВТОРА¹. О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Эта книга о русской культуре, но... И вот тут сразу же возникают многочисленные «но», которые необходимо оговорить, прежде чем читатель перейдет к тексту.

Эта книга о культуре *в антропологическом смысле* этого слова (об этом во введении). Схожие понятия известны как «русский национальный характер», «русский менталитет», «русская матрица», «русский культурный геном» и даже «иванизм».

Эта книга ограничивается лишь некоторыми — чрезвычайно важными! — аспектами русской культуры, не претендуя на всеохватывающее описание, что было бы задачей для многолетнего труда коллектива авторов.

Эта книга о *русской*, а не о российской культуре, так как, несмотря на полиэтнический и поликонфессиональный характер российского государства, в основе его национальной культуры лежит многовековая русская православная культура. Этнические и религиозные меньшинства, проживающие или проживавшие в разные времена на территории России в действительно значимых количествах (татары, немцы, евреи, грузины, армяне и прочие²) не оказали существенного влияния на характер русской национальной культуры, хотя обратная культурализация происходит: русская культура в большей или меньшей степени модифицирует культуры меньшинств.

Эта книга о национальной культуре русского *народа*, то есть подавляющего большинства русского населения России, а не о ее политиче-

---

¹ Эта книга была закончена осенью 2021 года, поэтому в ней никак не отражены события последнего времени. Однако в первом приближении можно сказать, что и сами события, и отношение к ним большинства населения не противоречат историческому «ландшафту» русской культуры, представленному в моем исследовании.

² Взаимоотношения русской, украинской и белорусской культур в книге не рассматриваются.

ском устройстве и не о стремлениях и чаяниях интеллигенции³. Политические системы меняются, интеллигенция живет своей жизнью, а русская культура, так же как и любая другая многовековая национальная культура, остается в своей сути неизменной на столетия. Именно из этих соображений я не рассматриваю влияние Византии и ордынского ига на формирование русской культуры. И Византия, и Орда были в непосредственном постоянном контакте лишь с князьями, боярами и иерархами Церкви (с последними — в основном Византия); большинство же русских людей жили в пространстве своих традиционных ценностей, верований и забот. Иными словами, Византия и Орда могли влиять и влияли на формирование методов правления и подавления, на взаимоотношения Церкви и государства, но лишь незначительно и опосредованно — на традиционные социальные аспекты жизни русских людей.

При этом нельзя, конечно, упускать из виду, что и правительства, и церковная верхушка, и интеллигенция в России вышли все-таки из народа и, естественно, сохраняют в своем мышлении и поведении все главные черты русской культуры, хотя и модифицированные происхождением, образованием, социальным статусом — иначе говоря, личной биографией и историей страны.

Эта книга не претендует на оригинальность представленной в ней фактологической информации. В мою задачу входило не описание русской культуры — это было сделано и делается многочисленными предшественниками и современниками, — а использование имеющихся материалов с тем, чтобы **определить исторические корни исследуемых особенностей этой культуры и продемонстрировать ее многовековую стабильность**. Задача эта выполняется путем анализа и обобщения исторических и современных фактов, событий и явлений с применением научного аппарата таких дисциплин, как история Рос-

---

³ Интеллигенция — условное обозначение людей, составляющих тонкий слой российского населения, которые усвоили какие-то европейские ценности, в основном неприятие тоталитаризма и стремление к истинной демократии. Следует также заметить, что на протяжении двух веков существования интеллигенции она почти всегда находилась в оппозиции к существующему режиму, что вполне естественно, поскольку российский режим никогда не был демократическим. Для того, чтобы по праву занять место среди представителей этой социальной группы, начитанность и вообще гуманитарные знания необходимы, но недостаточны.

сии, история Русской православной церкви, культурология, антропология, право, семиотика, филология, социальная психология, психология детского развития, генетическая психология и эпигенетика. Пожалуй, в какой-то степени оригинальным можно считать метод приложения современной психологии для обоснования национальных характеристик и описания механизма передачи свойств культуры от поколения к поколению. Оригинальным в том смысле, что, не будучи широко распространенным, этот метод настойчиво используется в данном исследовании. Оригинальными являются также литературоведческие вкрапления в текст этой книги, используемые для иллюстрации основных положений и выводов.

В процессе работы над книгой огромное удовольствие мне доставили встречи со схожими мыслями по поводу русской культуры у уважаемых мною авторов — уже ушедших в мир иной или ныне здравствующих. Особо хочу выделить книгу Дмитрия Петровича Кончаловского⁴ «Пути России». В ней он осмысливает революцию 1917 года, большевизм и его истоки, но по большому счету это книга о русской культуре, ее уникальности, неизменяемости и несовместимости с культурой европейской.

---

⁴ Дмитрий Петрович Кончаловский (1878–1952) — родной брат известного русского художника Петра Петровича Кончаловского, деда А.С. Кончаловского и Н.С. Михалкова по материнской линии.

ВВЕДЕНИЕ

Россия — великая страна. Великая по своим размерам и достижениям. Пожалуй, и самая богатая (по ее природным ресурсам) страна в мире. Кроме того, Россия может похвастаться развитой промышленностью, образованным населением, вполне адекватной наукой и системой среднего и высшего образования. За последние два столетия, практически начав с нуля, Россия догнала, а во многом и перегнала Европу и Америку в области литературы, классической музыки, живописи и других видов искусства. И, наконец, политическое устройство, принципы экономики и правовая система в современной России в целом такие же, как в преуспевающих странах Запада.

Но преуспевать не получается. Общее состояние экономики оставляет желать лучшего. Уровень жизни населения по сравнению с развитыми странами Запада значительно ниже. Конечно, есть исключения. Немногочисленная элита, 1% населения, владеет большей частью национального богатства. Какая-то часть населения живет честным трудом и зарабатывает достаточно для удовлетворения всех своих потребностей, включая жилье, хорошее питание, отпуска, поездки и прочее. Но они явно в меньшинстве. Остальным приходится или работать на нескольких ставках, или подрабатывать помимо основной работы, или подкармливаться натуральным хозяйством, если они живут на земле или хотя бы владеют сакраментальными шестью сотками. Около двадцати миллионов россиян живут за чертой бедности. Так называемые бюджетники — государственные служащие, медицинские работники, учителя, университетские преподаватели — получают зарплаты, которых хватает только на самое необходимое. Исключение составляют чиновники высших рангов, но это — власть имущие, та самая элита, о которой речь шла выше. Дистанция между доходами бедных и богатых чуть ли не самая высокая в мире.

Россия утверждает, что Запад только и мечтает о том, чтобы поставить страну на колени — приходится напрягаться и тратить огромные средства на оборону. В то же самое время Запад видит Россию далеко не в лестном свете. С точки зрения Запада Россия ведет себя агрессивно по отношению к своим соседям, так что приходится расширять НАТО, чтобы сдерживать агрессию. Коррупция процветает, и закон работает с оглядкой на влиятельных и богатых. Церковь, отделенная от государства, больше занимается политикой и идеологией, чем развитием духовности паствы. В политике нынешние демократические структуры так и не смогли стряхнуть с себя ярмо авторитаризма.

Попытки перехода к демократии были и раньше. Ведь и в 1917 году реформаторы имели самые благие намерения — избавиться от гнета ненавистного царского режима и зажечь по справедливости. Но власть захватили большевики, а все остальное, как говорится, история. А если бы не захватили? Если бы состоялось Учредительное собрание и победили эсеры, а большевиков удалось бы каким-то фантастическим способом заставить подчиниться? Тогда, скорее всего, случилась бы перестройка по типу той, которую Россия (тогда еще в составе СССР) пережила в конце 1980-х — начале 1990-х: безудержная борьба партий и мнений, приведшая к анархии, тотальному обнищанию населения, экономическому и социальному кризису и небывалому росту преступности. Можно заключить, что попытки перенести западные модели на российскую почву постоянно терпят крах.

Однако при этом многие западные ценности с легкостью и даже с энтузиазмом усваиваются россиянами: популярная музыка, литература (в основном детективная), кино, одежда, косметика, автомобили и всякого рода бытовые и технические устройства являются объектами массового потребления (в зависимости, конечно, от покупательной способности отдельного взятого потребителя). Предоставь россиянину гипотетический выбор места отдыха, и он предпочтет Ниццу Крыму и Сочи, Куршевель — Домбаю, а Вену или Барселону — Москве. Правда, и здесь выбор обуславливается толщиной кошелька. И все же большинство россиян (около 60%) к Западу относятся отрицательно, а среди малоинтеллигентного населения понятия «гейропа» и «пиндостан» прочно вошли в обиход.

Еще один загадочный феномен — Президент Российской Федерации. Можно говорить об административном ресурсе, вбросах и прочих нарушениях, но не приходится сомневаться, что в марте 2018 года большинство россиян (может, не 77%, но все равно большинство) выбрали Путина еще на шесть (а скорее всего — на двенадцать) лет правления. После «обнуления» срок его правления может увеличиться до 2036 года. И это несмотря на заметный экономический спад и снижение уровня жизни населения после 2014 года. Означает ли это, что достойного конкурента не нашлось, или что на Руси нет умных, энергичных, непьющих и честных людей, или таковые убираются с дистанции задолго до выборов, а население такое положение вещей совершенно не волнует? А может, президент по совокупности своих действий и качеств вполне устраивает большую часть российского электората? Объяснить все эти противоречия и загадки можно только заглянув в глубины уникальной истории социального и политического развития российского государства, иными словами, в нюансы развития русской культуры.

КОНЦЕПЦИЯ «КУЛЬТУРЫ»

Употребляя слово «культура», мы сталкиваемся с лингвистической проблемой: семантическое поле этого слова столь обширно, а употребление столь размыто, что при любой попытке обсуждения культуры необходимо точно оговорить смысловые границы в конкретном контексте.

Оставляя в стороне философские дефиниции термина «культура», выделим основные его употребления в современной речи.

1) Знание и соблюдение правил поведения и этикета, умение вежливо и тактично вести себя в обществе (вежливый, культурный человек). Назовем такую культуру «культура этикета».

2) Произведения живописи, музыки, литературы, кино и других видов классического или популярного искусства — «художественная культура».

3) Современная мода, гастрономия и ресторанная индустрия — «культура вкуса».

4) Система ценностей, мифов, обычаев и социальных норм национального *сообщества*; сюда также следует включить фольклор, народ-

ные ремесла и старинные уникальные кулинарные рецепты (например, квас или щи — в русской культуре).

Необходимым условием выделения социальной группы в национальное сообщество является единство родного языка и территории проживания всех его членов. Чрезвычайно важным, но не обязательным условием принадлежности к национальному сообществу является исповедание его членами одной и той же религии⁵. В дальнейшем мы будем называть такой вид культуры просто «культура», подразумевая по умолчанию «национальная культура».

Предметом настоящего исследования является именно последняя концепция культуры — национальная культура. Как же отделить ее от остальных трех? Первые три вида культуры не являются уникальными в жизни нации и жестко не привязаны к ней. Они легко пересекают государственные границы и распространяются посредством культурной диффузии. Чайковский, Кандинский и даже Пушкин не являются специфически русскими художниками, хотя выросли они на русской почве. Точно так же Хемингуэй — американец, но вполне можно провести аналогию между ним и Чеховым с Буниным; сходство между Мондрианом и Малевичем тоже не вызывает сомнения. Если взять ранний кинематограф начала XX века на Западе, то русский авангард, представленный фильмами Эйзенштейна, Вертова, Кулешова, Пудовкина и Довженко, ничуть не отставал от американского и западноевропейского кинематографа, в котором так же, как и в фильмах советских авангардистов, огромное внимание уделялось новаторской кинематографической технике.

Стили и жанры классической музыки, литературы, живописи и балета пришли в Россию из Европы, но тут же с триумфом возвратились обратно: нет в мире таких концертных залов, где не звучали бы произведения Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Прокофьева и десятка других выдающихся русских композиторов; около ста пятидесяти лет Толстой и Достоевский издаются, переиздаются и изучаются в школах и университетах Европы и Америки; пьесы Чехова не сходят с под-

---

⁵ У евреев цементирующим фактором сохранения целостности нации была не общая территория проживания и даже не общий язык, а религия, но это исключение.

мостков мировых театров; кто не знает Шагала и Кандинского, а «в области балета мы впереди <...> планеты всей».

Посредством диффузии приходят в Россию и многочисленные виды популярного искусства, причем иногда самого низкого пошиба. В конце 80-х — начале 90-х годов XX века российская публика не могла оторваться от американских телевизионных сериалов, дешевых любовных романов, второсортных голливудских фильмов, книг по эзотерике и оккультизму, но очень быстро российский рынок наводнила такая же массовая продукция, но только уже отечественного производства. Концерты российской современной музыки, стили и жанры которой пришли в Россию из-за рубежа, собирают многотысячные аудитории.

Касательно кулинарии. Конечно, в давние времена меню малоимущего населения России ограничивалось отечественными хлебом, кашей, щами, квасом и монополькой, однако аристократия отнюдь не испытывала культурного отторжения, поглощая спаржу, артишоки, устрицы и ананасы и запивая их французскими и немецкими винами. Кто в России слышал о суши сорок лет назад? Но в конце XX — начале XXI века в городах страны появляются китайские, итальянские, японские рестораны, и россияне, ловко орудуя палочками, с аппетитом едят сырую рыбу, сдабривая ее слабой и теплой рисовой водкой.

Американские джинсы завоевали весь мир.

Можно провести аналогию с языком, тем более что культура с точки зрения семиотики и является своеобразным языком, оперирующим системой правил и знаков. В то время как иностранная лексика с легкостью принимается языком и занимает в нем свое место, иногда без особой необходимости вытесняя более раннюю, родную или заимствованную лексику, синтаксис остается неизменным или меняется очень медленно. Точно так же художественная культура, мода и кулинария не встречают сопротивления при пересечении национальных границ и легко находят любителей и апологетов на чужой почве. Но вот национальная культура, включающая традиции взаимоотношений между людьми, оценку окружающего мира, реакцию на явления и события, меру ответственности и безответственности человека за происходящее вокруг него, трудовую этику, правовую этику, политическое сознание — все это остается неизменным, и не в течение последних 20–

30 лет, а в течение веков, если заглянуть поглубже и пренебречь внешними различиями.

Существует хорошее русское слово «обычай» — то, что делается обычно. Не всеми, но подавляющим большинством. Все, что лежит за пределами обычая, отторгается этим большинством. И даже если все русские вдруг решили бы трудиться, как китайцы, или жить упорядоченно, как немцы, ничего бы не получилось. Поэтому нельзя обустроить Россию ни по-китайски, ни по-немецки, ни по-американски, а только по-русски.

Характеристики национальной культуры уникальны, они реализуются на бессознательном уровне и определяются *культурными кодами*, заложенными в психике каждого индивидуума. Если мозг человека работает нормально, эти коды нестираемы и неизменяемы. Что же касается культуры этикета, художественной культуры и культуры вкуса — назовем их *культурными явлениями*, — то они оперируют на поверхности сознания, их можно сравнительно легко и быстро освоить и усвоить, можно изменить и можно вообще забыть.

Помимо путаницы в употреблении слова «культура», существует еще одно препятствие на пути изучения этого аспекта нашей жизни, по крайней мере на Западе. Глубокое и откровенное обсуждение национальных культур в современном западном мире, который очень чувствителен к нынешним политическим и идеологическим установкам, стало проблематичным. Идеология подвигает людей быть справедливыми и относиться ко всем одинаково, особенно когда речь идет о культуре меньшинств, что заставляет остановиться и подумать, прежде чем решиться на какие-либо кросс-культурные сравнения, а подумав, скорее всего, отбросить эту пагубную затею. В 1940-х и 1950-х годах антропологи и ученые в других областях активно изучали национальные культуры, но в 1960-х интерес к этой области знаний угас. В течение нескольких десятилетий постмодернизма, мультикультурализма, глобализма и «конца истории» на Западе господствовало представление о том, что настало время распрощаться с любыми бинарными оппозициями, в частности между культурами, и построить глобальное царство либеральной демократии, свободной от уродливых предрассудков и дискриминации в политических, экономических и социальных сферах человеческого существования. По всему миру возникли движения,

чтобы воплотить эту мечту в действительность. Однако эти попытки потерпели неудачу. Напротив, мы наблюдаем, как культуры страстно, а зачастую и яростно сопротивляются любым изменениям вековых традиций. Ирак, Афганистан, «арабская весна» служат хорошими примерами провала внедрения демократии там, где ее никогда не было. Другие культуры возвращаются к своим традиционным парадигмам — также страстно и яростно — после периода принудительного сожительства с чуждыми культурами в рамках общей социально-политической структуры. В этом отношении приходят на ум Советский Союз и Югославия. Еще до того, как болезненные явления проявились в бурных событиях последних десятилетий, имеющие глаза видели, что до рая на земле еще далеко.

Начало 1980-х годов ознаменовалось возрождением интереса к различиям среди культур. В 1985 году Лоуренс Харрисон опубликовал статью, в которой утверждал, что экономическая отсталость Латинской Америки обусловлена специфической культурой этого региона. Статья была подвергнута суровой критике и протестам со стороны ученых во многих областях. основополагающая статья Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций (1993) и одноименная книга (1996 г.) подчеркивают роль культур и религий в международных отношениях. Его работы также вызвали многочисленные критические отзывы. Однако не следует забывать древнюю мудрость Горация: «Вилами гони природу, она все равно возвратится». Обсуждение различий между культурами в политике, экономике, международных отношениях — практически во всех сферах человеческого бытования — хоть и медленно, но возвращается.

В 2000 году Харрисон и Хантингтон выпустили сборник статей по материалам симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества» (*Cultural Values and Human Progress*), который состоялся в апреле 1999 года в Американской академии искусств и наук в Кембридже, штат Массачусетс⁶. Участники симпозиума исследовали влияние культуры на политику, экономику и общественные отношения. Выводы таковы: культура может или содействовать прогрессу, или сдерживать его. Национальная культура, то есть доминирующие

---

⁶ Harrison L., Huntington S., eds. Culture Matters. n.p.: Basic Books, 2000.

ценности и социальные нормы, определяет уровень коррупции, эффективность деятельности институций, отношения между полами, соблюдение прав человека и соблюдение закона. Авторы также подчеркивают роль религии в формировании культуры и в ее влиянии на население. Было высказано мнение, что протестантизм, конфуцианство и иудаизм способствуют успеху их приверженцев по сравнению с другими конфессиями. Харрисон позже развил этот тезис в книге «Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма»⁷. Часть авторов сборника не только постулируют разницу между национальными или региональными культурами, но и выступают против культурного релятивизма, утверждая, что некоторые культуры объективно лучше, чем другие. «Плохие» культуры в их статьях — это те, которые допускают массовое насилие и страдания среди населения. Ряд ученых классифицирует «качество» культур по тому, насколько они способствуют прогрессу или сдерживают его.

Известный культуролог Уильям А. Генри III в своей книге «В защиту элитарности»⁸, сам либерал и демократ, оценивает культуры по их достижениям в обеспечении свободы, образования, научно-технического развития и общего уровня жизни населения. Несмотря на присущий ему либерализм, он не стесняется утверждать совершенно неполиткорректную, неприемлемую для западных либералов истину, что, исходя из этих критериев, можно различать высшие и низшие культуры. Он убежденный противник аффирмативных действий (дискриминация белых в пользу меньшинств) и защитник меритократии. Другой автор, британский экономист Стивен Д. Кинг, в своей книге «Опасный новый мир»⁹ обсуждает полный провал глобализации в проекте преодоления «эгоистичного» поведения национальных государств и создания всеобщего процветания.

---

⁷ *Harrison L.* Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2013.

⁸ *Henry W.* In Defense of Elitism. New York: Doubleday, 1994. (За семьдесят шесть лет до выхода этой работы Николай Бердяев написал книгу «Философия неравенства», в которой предвосхищал идеи Генри.)

⁹ *King S.D.* Grave New World: The End of Globalization, the Return of History. New Haven and London: Yale University Press, 2017.

ФОРМИРОВАНИЕ И УВЕКОВЕЧИВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ

Сборник «Культурные ценности и прогресс человечества» содержит также статьи противников трактовки культуры как определяющего фактора в развитии экономики, государственных институций и общественных отношений. По их мнению, ситуацию можно улучшить, внося необходимые изменения в государственные структуры и повысив уровень образования среди населения¹⁰. Действительно, можно разработать новые методики детского воспитания, можно подсказать родителям, как прививать детям нужные культурные ценности и привычки, однако вовлечь в осуществление такой программы все население страны, заставить взрослых людей (родителей) использовать эти методики последовательно и в полном объеме — вряд ли такая задача выполнима. Допустим, сверху спущена директива — добиться успеха в новых подходах воспитания детей. Во исполнение этой директивы все взрослые, которые имеют или планируют иметь детей, должны будут пройти «школу молодого родителя» в массовом порядке; причем учиться нужно с энтузиазмом, все хорошо усвоить, а потом с тем же энтузиазмом выполнять рекомендации новых методик применительно к собственным детям. Но даже если родители будут добросовестно следовать всем инструкциям, полученным во время обучения, дети не станут послушно маршировать в заданном направлении. Они все равно будут наблюдать и перенимать миллионы мельчайших аспектов бессознательного поведения взрослых, обусловленного традиционными (устоявшимися) культурными нормами (или схемами в нейронных сетях, что одно и то же). Причем примером для них будут не только родители, не только другие члены семьи, но и «зеркало» социальной среды. Так что для успешного выполнения «геркулесова труда» по формированию новой — «правильной» — культуры придется каким-то образом изолировать, устранить «пагубное влияние» культурной среды, окружающей ребенка. Для этого взрослых следует отделить от детей и отправить в пустыню на сорок лет, пока не вымрут, а детей будут вос-

---

¹⁰ Подобные идеи бытовали среди российских народников в XIX веке. С целью образования крестьян они «ходили в народ», который почему-то отказывался оценить их благие намерения; нередко такие хождения заканчивались физическим насилием по отношению к наивным идеалистам.

питывать и обучать специально отобранные сверхквалифицированные педагоги, иначе ничего не получится. Это, конечно, шутка.

Почему *культурные коды* так цепко оседают в сознании человека, что изменить их — задача практически невыполнимая? Происходит ли формирование культурных кодов на генетическом уровне, или они формируются уже после рождения человека? Более подробно я рассмотрю этот вопрос в последней части книги. Пока же примем как аксиому, что в основном культурные коды, или схемы, формируются в процессе социализации человека в раннем детстве, то есть в течение первых шести-восьми лет жизни. Новые схемы, заключающие в себе *культурные явления*, — то, с чем человек сталкивается на более поздней стадии развития (художественные или гастрономические предпочтения, отношение к моде, этикет и прочее), — формируются, когда первичный процесс социализации уже завершен. Эти новые схемы уже не столь долговечны и не так глубоко интернализированы, как те, что возникли в раннем детстве. Например, увлечение новыми модными тенденциями у взрослого человека может возникнуть очень быстро и так же быстро исчезнуть. Освоить и полюбить суши — в этом нет особой трудности для россиянина. И не только гастрономия, не только мода, но и классическое и популярное искусство специфичными для национальной культуры не являются.

СТРУКТУРА КНИГИ

Данная работа преследует двойную цель.

Во-первых, обосновать тезис о том, что многовековое противостояние между Россией и Западом коренится в уникальной истории России и колоссальном, хотя иногда и опосредованном, влиянии Русской православной церкви на формирование русской культуры.

Во-вторых, продемонстрировать и объяснить преемственность основных аспектов русской культуры, от возникновения централизованного Московского государства в XV веке (и даже раньше — от Киевской Руси) до имперской, петербургской России XVIII–XIX веков, Советского Союза и, наконец, постсоветской России.

Первая часть книги посвящается истории религии в России. Религия во всех культурах является наиболее мощным формативным фактором, и Россия здесь не стала исключением. В 988 году Русь приня-

ла византийское православие и, как следствие этого выбора, *сделала первый, судьбоносный шаг на пути разделения русской и западной культур*. Приняв православие, Россия унаследовала от Византии враждебное отношение к Римской католической церкви и всему тому, что шло от «ненавистных латинян». Различия между русской и западной культурами порождались не только и не столько догматическими расхождениями, сколько сопутствующими факторами, в частности полным запретом на латынь в России до начала XVIII века и отсутствием системы общего образования вплоть до начала XIX века. Этот «железный (деревянный) занавес» существенно тормозил развитие науки и промышленности.

Здесь же будут рассмотрены специфический характер религии и роль Церкви в постсоветской России, а также наследие русского православия в отечественной культуре.

Во второй части исследуются корни русского коллективизма и становление трудовой этики в России. Русская коллективистская культура формировалась прежде всего укладом крестьянской общины, которая в России существовала на пять столетий дольше, чем на Западе. Полное подчинение отдельно взятого человека интересам хозяина или коллектива, будь то семья (дети слушаются родителей, жена — мужа), помещик, царь, община или государство, способствовало формированию авторитарного общества сверху донизу. Привычная общинная жизнь и неразвитая правовая система устанавливали приоритет коллективных нравственных норм над формальным законом. Общинная «уравниловка» во всем, с одной стороны, защищала крестьян от эксплуатации своими же сообщниками, но с другой — лишала мотивированных крестьян возможности разбогатеть и инвестировать накопления в дальнейшее развитие своего хозяйства.

Также во второй части рассматривается влияние политических, социальных и географических факторов на формирование трудовых привычек. Последняя глава второй части представляет собой характеристику трудовой этики в России на основе анализа произведений русской литературы XIX и XX веков.

Третья часть посвящена теме правового нигилизма — неуважения к формальному закону, которое опять же объясняется многовековыми отношениями в крестьянской общине при крепостном праве. Начина-